

АЛЕКСЕЙ РУСАНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Странная сказка

Алексей Русанов

Странная сказка. Том 2

«Автор»

2026

Русанов А.

Странная сказка. Том 2 / А. Русанов — «Автор»,
2026 — (Странная сказка)

Кирилл только начал разбираться в потайной стороне жизни — и почти сразу по уши погряз в проблемах. Он вернулся из потустороннего мира, пережил нападение оборотня — и оказался в наручниках, принятый за преступника. Странный колдун лишил его удачи. Старик Троп ждёт обещанный долг. А в обычной жизни никуда не делись ни кредиты, ни алименты, ни барстук Глапп, за которого теперь придётся отвечать. Зато у Кирилла появляется новая способность. Он начинает видеть развилки судьбы — моменты, в которых всё может пойти по-разному. И теперь от его решений зависит многое, может быть, даже — всё.

© Русанов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Без формальностей	5
Глава 2. Под протокол	12
Глава 3. Специалист	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Русанов

Странная сказка. Том 2

Глава 1. Без формальностей

*Панки любят грязь, а хиппи — цветы.
И тех, и других берут менты.
Ты можешь жить любя, ты можешь жить грубя,
Но, если ты не мент, возьмут и тебя.
Тот, кого нельзя называть*

Если человек хочет спать, то ему ничего не мешает. Ни скованные за спиной руки, ни духота в дежурной полицейской машине, ни полная неопределённость собственного будущего. Ни-че-го. Человек просто прислонится плечом к заблокированной задней двери, уткнётся головой в стекло, закроет глаза...

И даже если скучающий мент потрясёт его за плечо и спросит: «Ты что — обдолбанный?», человек просто пробормочет в ответ: «Нет. Просто устал». Потом закроет глаза и вырубится.

По крайней мере, я сделал именно так. Когда менты прошерстили мои карманы и забрали телефон, кошелёк и чётки, я напрягся. Особенно жалко было чётки. Но я увидел, что они аккуратно складывают всё в пакеты с застёжками — как вещдоки, и сразу успокоился. Когда меня запихнули на заднее сиденье, я и правда стал проваливаться в сон. Сказывались сутки на ногах, физическое и нервное истощение. Последнее, что я услышал перед тем, как отключиться:

— Да он обжабанный в сопля!

Когда я резко, рывком вынырнул из сна, обстановка не изменилась. Я по-прежнему находился на заднем сиденье полицейской машины, рядом со мной сидел мент, его напарник сучал за рулём.

— Почему мы не едем никуда? — спросил я.

С того момента, как скорая увезла Олесю, я больше ни о чём не беспокоился и ничем не интересовался. Мне было всё равно, даже что будет со мной. Но сейчас интерес вдруг проснулся.

— СОГ ждём, — скучным тоном ответил полицейский, который сидел ближе ко мне.

— Что ждём? — не понял я.

— СОГ. Следственно-оперативную группу.

Для меня это прозвучало бессмысленным набором звуков. Что за группа? Зачем её надо ждать? Меня это слабо интересовало. Совсем другие вопросы жужжали в голове, как пчёлы в растревоженном улье. Как там Олеся? Смогут ей помочь медики или нет? Если она выживет, какие последствия будут от такого жуткого удара? А вдруг она на всю жизнь останется «овощем»? И всё по моей вине!

Мне стало физически плохо: затошнило, потемнело в глазах, закружилась голова. Сидевший рядом полицейский заметил моё состояние и явно напрягся:

— Э, нарик! Смотри не наблюй тут!

Я сделал пару глубоких вдохов-выдохов, и меня чуть отпустило.

— Можно попить? — хрипло попросил я. Только сейчас я ощутил, насколько у меня пересохло во рту и горле. Лицо полицейского, круглое, как тарелка, недовольно скривилось. И всё же он хлопнул напарника по плечу и сказал:

— Веталь, у нас там вода ещё осталась?

Напарник ничего не ответил, но полез в бардачок, достал бутылку питьевой воды и протянул нам.

— С горла только ему не давай! Вдруг он спидозный? — предупредил Веталь. — Я ща стакан найду.

Он действительно нашёл рифлёный пластиковый стаканчик и передал круглолицему. Тот налил воды и поднёс стакан к моему рту. Такая заботливость меня слегка обескуражила.

— Может, вы наручники снимете, и я сам попью? — предложил я.

— Ага! — ответил круглолицый. — Мы тебе снимем, а ты на нас кинешься, как на ту девчонку. Пей давай!

Я послушно стал пить. Но как только закончил, в уме произошла беззвучная вспышка: они думают, что это я напал на Олесю! Нет, я не совсем тупой — мне было понятно, что они меня задержали и надели наручники, потому что именно так и подумали. Но в тот момент это казалось просто мелким недоразумением: достаточно рассказать, как всё было, объяснить, что я не виноват — и всё решится. А теперь я осознал: я не могу рассказать правду! Точнее, могу, но — что я скажу? Что мы с Олесей посетили потусторонний мир, принесли оттуда волшебную траву и отдали ведьме-рагане? А она за это дала нам целебное зелье для дедушки — жреца древних богов? И на пути домой на нас напал вилкак-оборотень? Всё это чистая правда. Но если я её расскажу, то менты перестанут считать меня наркоманом и будут уверены на тысячу процентов, что я — обычный шизофреник.

И всё же я попытался защититься:

— Я на неё не нападал. Это был... несчастный случай.

Круглолицый, имя которого я до сих пор не услышал, лишь вяло отмахнулся:

— Нам похрен. Ты это следаку будешь втирать.

Но Веталь, сидевший спереди, заинтересовался и повернулся ко мне. У него оказались близко посаженные глаза и маленький курносый нос.

— Что за несчастный случай? — спросил он.

— Она... она просто упала и ударилась головой. В овраг упала, — пробормотал я и внутренне скривился, прекрасно понимая, как жалко и неубедительно это прозвучало.

— И где тот овраг?

— Веталь, стопэ! — вмешался в диалог круглолицый. — Тебе оно надо — в рапорте лишнюю писанину разводить? Следак приедет — пусть он и допрашивает.

— А кто едет? — обратился Веталь к напарнику.

— Потапов.

— О-о-о...

Веталь кинул быстрый, вроде как сочувственный взгляд на меня и отвернулся.

Пока мы ждали СОГ, я постарался сочинить в уме правдоподобную версию того, что случилось с Олесей. И когда, наконец, долгожданная группа приехала, я внутренне приготовился изложить её — связно и убедительно. Но приехавшие обращались со мной, словно с неодушевлённым предметом. Осмотрели, забрали куртку, испачканную в крови Олеси. Взяли «смывы»: расстегнули наручники на пять минут, велели вытянуть руки перед собой, протёрли ладони и дрожащие пальцы мокрой ваткой и опять защёлкнули наручники за спиной.

Руководил всеми высокий дядька с красным обветренным лицом и гулким, как из бочки, голосом, вероятно — тот самый Потапов, о котором говорили задержавшие меня менты. Ростом он был как я — под два метра, но в плечах шире чуть ли не вдвое. Короткая причёска «ёжиком», шрам на щеке и золотая цепочка на бычьей шее делали его похожим больше на бандита, чем на мента. Первым делом он лихо обматерил полицейских за то, что они позволили увезти потерпевшую. Но, когда те объяснили всё про её состояние, успокоился и переключился на меня. Следователь велел показать, где именно я вышел на трассу. Мы побрели вдоль обочины и блуждали довольно долго, потому что я никак не мог вспомнить и найти это место.

— Товарищ майор, — вполголоса обратился к Потапову круглолицый, — по-моему, он торчок. Под солями мог что угодно натворить, а теперь не помнит ни хрена.

При этих словах он кивнул в мою сторону. Потапов внимательно пригляделся и ответил: — Не похож. Глаза у него не наркоманские.

Наконец, мы вроде бы нашли то место, где я с Олесей на руках вышел на трассу. Потапов погнал в лес двух своих подчинённых — искать и фиксировать следы. Они вернулись минут через двадцать. За всё это время он не только не задал ни одного вопроса, но даже не заговорил со мной.

Потом мы вернулись к ментовозу. Минут пятнадцать полицейские разбирались с кучей бумажек, которые требовалось оформить. Но в итоге Потапов с подручными меня забрали и повезли в своём микроавтобусе. В качестве поблажки мне сковали руки наручниками не за спиной, а спереди — и это действительно оказалось огромным облегчением.

Мы приехали в незнакомый областной городок, в ОВД, и после оформления ещё каких-то бюрократических формальностей я наконец оказался один на один с Потаповым. Мы сидели в тесном кабинете с окном, выходящим на кирпичную стену соседнего здания. Было душно, пахло застоявшейся кофейной гущей и пылью — от старых бумажных папок, которые заполняли почти всё свободное пространство.

Потапов сидел за столом перед включённым ноутбуком, я — напротив, на хлипкой табуретке. Следователь хмурился, перебирая бумажки, лежащие перед ним на столе, пару раз кинул на меня быстрый взгляд исподлобья и наконец обратился официальным тоном:

— Назовите для протокола ваши фамилию, имя, отчество.

Я отлично видел, что перед ним лежит мой раскрытый паспорт, и поэтому ответил с некоторым раздражением:

— У вас же перед глазами мои документы! Зачем вы спрашиваете о том, что и так знаете?

Потапов посмотрел тяжёлым взглядом боксёра, который выбирает — куда ударить. Потом задумчиво потёр плохо выбритый подбородок и сказал не служебным, а вполне человеческим голосом:

— Не любите формальности, Кирилл Александрович?

— А кто их любит?

Следователь хмыкнул.

— Есть, есть такие, кто любит. Начальство, например. Но я, скажу честно, тоже их не люблю. И мы можем обойтись без формальностей. Давайте сэкономим друг другу кучу времени и нервов.

В его тоне звучало какое-то скрытое предложение. Но я соображал туго и не улавливал, что он от меня хочет. На взятку намекает, что ли?

— Что вы предлагаете? — спросил я в лоб.

Он опять хмыкнул.

— Давай просто поговорим. Расскажи: что у вас с этой девушкой произошло?

Во мне опять всколыхнулась волна тревоги за Олесю. Как она там? Что с ней сейчас? Я вдруг сообразил, что ни её отец, ни Конрад Иванович до сих пор не знают о случившемся. Я же так и не смог позвонить!

— Мне сначала позвонить надо! — выпалил я.

Потапов развёл руки:

— Базара ноль! Имеешь право на один звонок. Но только — родным или близким. И только — чтобы сообщить о своём задержании.

Родным или близким? Меньше всего я хотел сейчас звонить маме с весёленьким сообщением: «Меня задержала полиция».

— А-а... хозяин дома, у которого я сейчас живу, считается близким? — попробовал я пойти на хитрость.

Следователь задумчиво постучал по столу короткими толстыми пальцами.

— Согласно УПК, это на моё усмотрение. Расскажешь всё по-человечески — сможешь позвонить ему.

— А мне и рассказывать нечего. Мы пошли за грибами. Олеся поскользнулась, упала в овраг и ударилась головой. Я её вытащил, донёс до дороги. Пытался тормознуть машину, но никто не хотел останавливаться. Потом приехали мен... полицейские, вызвали скорую для Олеси, а меня арестовали.

Я поднял руки, демонстрируя наручники, словно они могли подтвердить правдивость моего рассказа. У меня было смутное ощущение, что всё это звучало неубедительно, но ничего лучше придумать не удалось. Главное правило любого вранья: чем проще — тем лучше. Именно им я и руководствовался.

— Не арестовали, а задержали, — поправил меня следователь.

— По мне что в лоб, что по лбу. Какая разница, если я в наручниках?

Потапов саркастически скривился и даже головой помотал: бывают же такие бестолочи! Потом встал из-за стола, подошёл ко мне.

— Арестованный и задержанный — это два совершенно разных статуса. А браслеты я могу и снять.

Из кармана мешковатых синих джинсов он извлёк ключ от наручников, демонстративно поднёс к моему носу.

— Я ведь не пожалею, если их сниму? — спросил Потапов таким тоном, что сразу захотелось сделать всё, чтобы он не пожалел.

— Я похож на человека, который может вам чем-то угрожать?

— Это ты людей в психозе не видал, — сказал Потапов, но наручники всё же снял. — Ну да ничего. Какие твои годы?

Я стал массировать запястья, на которых остались синюшные следы, а он вернулся обратно за стол.

— Значит, за грибами пошли... — сказал он задумчиво. — А за какими?

— За этими... — я замаялся, поскольку в грибах разбирался чуть лучше, чем в квантовой физике, — за маслятами.

Я смутно помнил, что есть опята и маслята, и какие-то из них растут до поздней осени. Но какие именно — оставалось только угадывать.

— Ага, за маслятами... — Потапов покивал, вполне удовлетворённый моим ответом. — А вы где-то рядом живёте или приехали в лес?

Я понятия не имел, через какой лес мы шли всеми этими ведьмовскими тропами. А значит, рядом живу или нет — неизвестно. Поэтому я поспешил заявить:

— Приехали. С утра пораньше, как обычно за грибами ходят.

— Ну да, ну да, — согласно покивал Потапов, глядя всё в те же бумажки, лежавшие на столе. — Тихая охота, как говорится... Выходить надо ещё затемно.

Потом поднял глаза на меня и спросил:

— На своей машине приехали или на автобусе?

Я внутренне вздрогнул. Этот момент в своей «легенде» я как-то не продумал, и пришлось импровизировать:

— На автобусе.

Такой вариант я выбрал, чтобы избежать вопроса: почему же, если была своя машина, я не отвёз Олесю в больницу на ней? Но уже через секунду испугался: вдруг следователь спросит номер автобуса, на котором мы приехали? И тут-то я встряну, потому что понятия не имею, куда мы должны были приехать. Но Потапов, на моё счастье, не догадался спросить об этом и упустил возможность поставить мне мат в два хода.

— А какие отношения у тебя с Олесей? — вкрадчиво поинтересовался он, и я внутренне облегчённо выдохнул.

— Да никакие. Мы просто знакомые. Я у её деда... это... комнату снимаю в доме.

— Комнату в доме? Где именно?

— В посёлке небольшом под Кёнигом.

— Точный адрес можешь сказать? — Потапов взял ручку и приготовился записывать. Я подумал про Конрада Ивановича и вспомнил, что так и не известил его о беде, приключившейся с Олесей.

— Вы мне обещали дать позвонить!

— Скажи адрес, и я дам.

Пришлось назвать адрес Конрада Ивановича. В любом случае менты сами бы его быстро установили.

Потапов записал адрес на жёлтом стикере размашистым почерком.

— Телефон твой в вещдоках? — спросил он.

— Наверное. У меня изъяли и в пакет сложили.

— Ну правильно — в вещдоках. Сейчас схожу.

Он поднялся и направился к выходу, однако в дверях задержался.

— Ты тут не хулигань без присмотра! — предупредил он меня и указал на пластмассовую полусферу, темневшую на потолке. — У нас здесь камера. Всё пишется.

И ушёл. Его не было минут десять. Вернувшись, Потапов протянул мой телефон и сказал:

— На, звони!

— Не могу. Батарейка села.

Он матюгнулся и полез в ящик стола.

— Давай проверим, моя зарядка подходит?

К счастью, зарядка подошла.

— Пока заряжается, расскажи мне ещё пару вещей, — сказал Потапов.

— Каких?

— О себе. Где работаешь сейчас?

Это была очень скользкая тема. От места работы — один шаг до коллег, а там и Серый всплывёт. Мне туда не надо!

— Сейчас — нигде, — ответил я. — Пару недель как уволился.

— Откуда?

Я произнёс название холдинга, в котором ещё недавно трудился, и Потапов уважительно покивал. Мой внутренний маркетолог порадовался узнаваемости бренда.

— А из-за чего уволился? — с невинным любопытством поинтересовался Потапов.

Память царапнуло воспоминание про Августа, прилюдно отчитывавшего меня за опоздания, которых не было. Теперь стало понятно, что на самом деле это он мстил за пост, который я не отправлял...

— С начальством случились... разногласия. Попросили уйти, и я ушёл.

— Зарегистрирован по месту проживания?

Прописан я был у бывшей жены, но не жил там уже больше года. Хотел начать объяснять это, но вспомнил, что мой паспорт у следователя перед глазами. Значит, он знает, где я зарегистрирован. И где я проживаю — тоже. Совсем недавно я назвал ему адрес Конрада Ивановича, и следователь его записал. Тогда зачем он это спрашивает? Кольнуло неприятное подозрение, что он ведёт со мной какую-то игру, хочет завести меня в ловушку. Или это я зря параною? Но я не стал вываливать свои подозрения, а спокойно ответил:

— Нет, зарегистрирован в другом месте.

И даже назвал точный адрес.

— А как с семейным положением? — поинтересовался следователь.

— У вас паспорт перед глазами, — напомнил я.

Он не смутился и спокойно ответил:

— Что официально в разводе, я видел. Но сейчас многие и без штампа живут. Поэтому и спрашиваю.

— Я в разводе, и постоянных отношений на данный момент нет.

— А непостоянных?

— И непостоянных тоже. Вообще, какое это всё имеет отношение к...? Короче, дайте уже позвонить!

— Базара ноль! — Потапов подвинул всё ещё подключенный к зарядке телефон поближе к краю стола. — Включай, звони.

Я включил телефон и под внимательным взглядом следователя ввёл код разблокировки. Плевать, что он его теперь знает! У меня в телефоне нет никакого компромата, я перед законом чист и прозрачен, как стакан дистиллированной воды. Как только я открыл «Контакты», Потапов меня предупредил:

— Звонок положен только один. Так что хорошо подумай, кому будешь звонить!

— Я уже подумал, — ответил я и собрался было ткнуть в имя «Конрад Иванович», но Потапов меня остановил.

— Разговор разрешён только на громкой связи, чтобы я всё слышал. Ты можешь только сообщить, что задержан и где находишься. Больше ни о чём не говорить!

— А где я нахожусь, кстати? — поинтересовался я. Городок, в который меня привезли, мне опознать не удалось.

— Межмуниципальный отдел МВД РФ Гвардейский, — официальным тоном отбарабанил Потапов.

— Гвардейск?

— Ну да. А ты думал — где?

— Нигде не думал. Я звоню?

— Звони, звони. Но на громкой связи.

Я набрал Конрада Ивановича и включил режим громкой связи. Уже после второго гудка послышался взволнованный знакомый голос:

— Доброе утро, Кирилл! Где вы так задержались? У вас всё в порядке?

— Здравствуйте, Конрад Иванович! — громко сказал я, наклоняясь к лежащему на столе телефону. — Нет, не в порядке. Меня задержала полиция. Я сейчас нахожусь в ОВД Гвардейска.

— Полиция? Почему вас...

Но я перебил старика и заговорил быстро и чётко:

— С Олесей случилась беда. Её увезли в больницу, в какую — я не знаю. У неё черепно-мозговая...

Потапов молниеносным движением прервал звонок и сграбастал телефон со стола.

— А вот это пойдёт в протокол как намеренная помеха следствию! — рявкнул он так, что я вздрогнул. Но это был чисто рефлекторный испуг — от внезапного громкого звука. Я совершенно не боялся, наоборот — ликовал. Всё, что хотел, я сделал, что надо было сообщить, — сообщил. Дальше уже Конрад Иванович и Глеб Генрихович разберутся: обзвонят скорые, больницы, найдут, куда её увезли. А этот красномордый может орать сколько угодно.

Впрочем, Потапов быстро остыл и успокоился. Однако выражение лица у него резко переменялось. Из сочувственно-заинтересованного оно превратилось в жёсткое и решительное. С таким лицом боксёры выходят на ринг в решающем раунде. Я же — наоборот, расслабленно улыбнулся, очень довольный тем, что всё получилось.

— Лыбишься, да? — тихо, но угрожающе спросил Потапов. — Думаешь, развёл меня как лоха? Только я не лох, Кирюша. Зря ты так считаешь, ой, зря!

— Я так не считаю, — возразил я, но Потапов снова взорвался и треснул ладонью по столу.

— Хватит мне тут фазана заряжать! — заорал он так, что, наверное, стены завибрировали. — Думаешь, я реально купился на всю твою туфту? Какие, к хренам собачьим, маслята в ноябре?! Какой нахрен автобус, если тебя задержали в пять-тридцать?! Автобусы раньше шести не ходят! Какой овраг, если на потерпевшей — ни грязи, ни царапин, ни ссадин — ничего, кроме раны на голове?! Дача ложных показаний — это отягчающее обстоятельство! Тяжкие телесные, с особой жестокостью, в отношении несовершеннолетней — это сто одиннадцатая УК, часть вторая. До десяти лет! Десятка, понимаешь? Десятка тебе ломится! И ты ещё усугубляешь!

В этот момент заиграла песня «Что ж ты, фраер, сдал назад»: у Потапова зазвонил телефон. Его аж перекосило от того, как это не вовремя. Но он всё же ответил громогласным:

— Да!

То, что ему сказали, сделало следователя задумчивым и хмурым.

— Сейчас! — буркнул он, спрятал телефон в карман и, ничего не говоря, вышел из кабинета. Я остался сидеть один.

Десять лет? Реально? Или это он запугивает? Хочет меня на понт взять? Блин! Если Олеся не придёт в себя, я ведь ничего не смогу им доказать, никак не оправдаюсь. А если они ещё и тело Серого найдут? Приедут, например, со служебными собаками, пойдут по моим следам и выйдут на ту самую поляну... Тогда уже не десять лет, а... пятнадцать? двадцать? Или сколько там дают за убийство? Блин, почему я хотя бы ментовские сериалы не смотрел? Хоть чуть-чуть бы в этих делах шарил!

Дверь распахнулась, и вошёл всё такой же хмурый Потапов. Он обошёл стол, выдвинул ящик, достал из него чистый лист. Взял лежавшую на бумагах ручку. Опять обошёл стол, положил бумагу и ручку с другой стороны стола, передо мной.

— Пиши! — сказал Потапов.

— Что писать?

— Чистосердечное пиши.

— Что-что?

— Пиши чистосердечное признание. В убийстве гражданки Высоковой Олеси Глебовны.

Глава 2. Под протокол

*Как я дожил до прозы
с горькою головой?
Вечером на допросы
водит меня конвой.
Лестницы, коридоры,
хитрые письма...
Красные помидоры
кушайте без меня.
Борис Чичибабин*

Я не мог поверить в услышанное. Убийство? Это значит, что Олеся... Даже мысленно невозможно было произнести это страшное слово. Может, я ослышался? Может, он сказал написать объяснительную, или как это у них называется?

— Простите, пожалуйста... Вы не могли бы повторить: что именно я должен написать? — с трудом выговорил я, потому что во рту пересохло и язык еле ворочался.

— Мог бы! — охотно и даже с энтузиазмом откликнулся следователь, который стоял, нависая надо мной своими двумя метрами роста. — Бери ручку и пиши: «Чистосердечное признание». А дальше — излагай во всех подробностях, как ты затащил девочку в лес, как... изнасиловал и ударил по голове. Это, Кирюша, — Потапов похлопал меня по плечу, — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее смерть потерпевшего. Статья «три однёрки», часть четыре. Тут уже срок от двух до пятнадцати. И если сознаешься, получишь по нижнему.

Он говорил очень напористо, очень убедительно, однако я его не слушал. У меня в груди расплывалось облегчённое тепло, а жуткая боль, охватившая меня на несколько секунд, отступала.

Я понял, что он врёт и Олеся жива.

Следователя подвела одна-единственная деталь: он решил симпровизировать и придумал изнасилование. Нет, логика в его версии была. Зачем бы ещё взрослый разведённый мужик мог затащить в лес несовершеннолетнюю девочку? Что им ещё там делать? Не грибы же собирать! Тем более, с маслятами я не угадал. Если бы Олеся умерла, то при осмотре тела теоретически могли найти следы изнасилования. Но я-то знал, что следов нет и быть не может. Значит, всё это враньё. Олеся жива!

С трудом сдерживая улыбку — губы так и норовили расплыться — я взял ручку, придвинул бумагу... Потапов тут же замолчал, и я легко представил себе его чувства в этот момент. Это было сродни ощущениям рыбака, у которого поплавок внезапно ушёл под воду, и удилище гнётся, показывая, какая солидная рыба клюнула: самое главное — чтоб не сорвалась.

Рука легла на бумагу и, после нескольких секунд колебаний, вывела на листке сначала огромную пятёрку, а рядом с ней — единицу.

Я отложил ручку в сторону и протянул листок Потапову. Он озадаченно смотрел на мои цифры.

— Это что за художество? — наконец спросил следователь.

— В соответствии с правом, данным мне пятьдесят первой статьёй конституции, я отказываюсь от дачи показаний, — заявил я, а потом не выдержал и всё же улыбнулся. — Хотел вам кое-что другое нарисовать, но подумал, что это будет совсем грубо.

Потапов не сумел скрыть своего разочарования. Он выдернул бумагу из моих пальцев, обошёл стол, грузно опустился в кресло. Долго смотрел на листок, потом поднял глаза на меня.

— Это ты правильно сделал, что не нарисовал, — сказал он странным сдавленным голосом, в котором я почувствовал еле сдерживаемый гнев. — Иначе уже сегодня в пресс-хате с этим «кое-чем» познакомились бы некоторые отверстия твоего тела.

Он взял мой листок с нарисованным номером, отставил руку, словно любуясь, а потом резко смял бумагу и скомкал до размера теннисного мяча.

— Ты у нас, значит, очень умный, да, Кирилл? Про пятьдесят первую статью знаешь, — сказал он, заводясь всё больше. — Только если ты такой грамотный...

Он внезапно швырнул смятую бумагу и попал точно мне в лоб.

— ...хрена ли тогда не шаришь, что пятьдесят первую можно взять, только если ты подозреваемый! А ты пока — даже не свидетель! Потому что ещё никакого дела не возбуждено!

Потапов произносил «возбуждено», разумеется, с ударением на «у», как все менты. Но поправить его у меня не хватило наглости. Он и так был чрезвычайно раздражён тем, что не смог «расколоть» меня сходу и заставить написать «чиста сердечное». Впрочем, надо отдать следователю должное: он быстро вернул контроль над эмоциями и даже занялся самоанализом.

— С изнасилованием я лоханулся, да? — неожиданно доверительно спросил он. — Не вмастил? Странно... А что ж ты её не оприходовал? Не сумел? Ну ничего, у мужиков так бывает, бывает... Или она стала сопротивляться, и ты её по башке каким-нибудь булдыганом отоварил? А? Так было, Никаноров?

Я не видел смысла ему отвечать и вообще разговаривать с ним. Уже стало понятно, что я влип в эту жуткую ментовскую паутину и, чем больше буду трепыхаться, тем сильнее стану в ней запутываться, а этот красномордый паучара будет только наматывать на меня новые липкие нити.

Больше всего сейчас я переживал не за себя, а за жизнь Олеси. Но раз следак мне соврал, значит, она жива. Конрада Ивановича я известил. Он поднимет на ноги кого надо, подключит каких-нибудь целителей, раган (чтоб им всем на костре гореть!). Они наварят своих зелий, принесут жертвы нужным богам — и Олеся будет спасена. А я... Ну, уж как-нибудь и со мной всё утрясётся. Может быть, не сразу, возможно, после того, как она придёт в себя и будет способна дать показания. Правда, Олеся ведь может и не вспомнить, что на неё напал Серый. Это произошло так внезапно. Ну да ладно — главное, чтобы она себя вспомнила.

А вот с Серым — это, конечно, проблема. Его тело рано или поздно найдут. Но смогут ли связать со мной? Моих отпечатков пальцев на нём нет. Но я пихал его ногами: интересно, сможет ли это определить экспертиза? Наверное, нет, особенно если пройдёт хороший дождь до того, как обнаружат тело. Представляю, какой тому же Потапову достанется «глухарь»: посреди леса найден труп молодого парня, совсем голый, насаженный на острый обломок корня. Как такое расследовать?

Я невольно улыбнулся своей мысли, и Потапов тут же уловил это, решив, что я среагировал на его слова:

— Смешно тебе, Никаноров? Весело? Приятно вспоминать, как ты девчонке череп проломил? Походу, ты у нас серийник, Кирилл. Мстишь девчонкам за свою импотенцию?

— Какой-то у вас нездоровый интерес к моей потенции, — огрызнулся я. — И если я — серийник, то придётся вам найти других моих «жертв» и доказать, что это я на них напал.

— А ты — начинающий «серийник»! Напал и на первой же жертве спалился, — на ходу выстроил удобную версию Потапов. — Ты думаешь, многим маньякам удаётся накромять «серию»? Хрен там плавал! Большинство попадают на первой жертве. Потому что обычно маньяки — очень тупые. Как ты, Никаноров!

Я опять улыбнулся: как же примитивно он пытается меня спровоцировать!

— Опять тебе смешно?! — Потапов подпустил в голос грозного рыка. Вероятно, в каких-нибудь ментовских методичках по ведению допроса это называется «раскачивать по эмоциям».

Но меня перепадами интонации не впечатлить. Я и сам умею голосом превращать людей в послушных марионеток.

Мне вдруг стало интересно: Потапов — «спящий» или «бодрствующий»? Вдруг я могу его прямо сейчас загипнотизировать и спокойно уйти из ментовки? Или он из тех «специальных» ментов, которые занимаются «бодрствующими»? Олеся что-то такое упоминала. Надо проверить.

— Вы знаете, что такое «бурт»? — спросил я.

Потапов удивился неожиданному вопросу.

— Яма такая, в которой картошку хранят.

Тут уже удивился я: оказывается, у этого слова есть и другое значение.

— А при чём тут...? Ты мне зубы не заговаривай, Никаноров!

— Вы сейчас отдадите все мои вещи, выведете меня из здания и отпустите на свободу, — сказал я тем самым «хихакающим» голосом. И только потом спохватился: у меня же нет отвлекающего реквизита — ни чётков, ни чего-нибудь ещё! Вероятно, поэтому бурт на следака не подействовал. Он лишь брезгливо поморщился и сказал:

— Ты чего, решил мне тут дурку мастырить? Дохлый помер — никто тебя невменько не признает. Лучше просто сознайся: повёл девку в лес, чтобы трахнуть. Не получилось. Она начала сопротивляться, и ты пробил ей голову. Всё же понятно, как два пальца!

— Я живу в посёлке далеко отсюда. Олеся — где-то в Кёниге, даже не знаю точно где. Зачем мне её тащить в лес, за десятки километров, в пять утра — чтобы трахнуть?

Потапов на несколько секунд подвис, осмысляя мой аргумент. Но быстро нашёлся:

— Так ты её похитил! Увёз на машине, затащил в лес и...

Он похабно похлопал ладонью по кулаку.

— Логично, — согласился я. — Только у меня машины нет. И почему в пять утра? Почему не бросил в лесу, а потащил на дорогу, просил вызвать скорую?

— Пересрал! Испугался, что она зажмурится, и запаниковал. А насчёт машины — это проверить надо.

М-да... С машиной, конечно, нестыковочка: пробьют мою фамилию по базе и увидят, что на меня зарегистрирована машина, на которой Наташка ездит. И за которую я плачу кредит.

— А почему в пять утра?

— Да кто же вас знает, маньяков? Невтерпёж тебе было.

Меня неприятно поразило, как легко Потапов разбил все мои аргументы. И задумался: если всё так легко обернуть против меня, то как же мне защититься? Правду я рассказать не могу. Убедительно соврать у меня не получилось. И что теперь делать-то? Засада...

Я ушёл в себя, в свои мысли и совсем перестал слушать, что там вещает следователь. И невольно вздрогнул, когда он со всей дури треснул ладонью по столу и гаркнул:

— Будешь признаваться или нет?!

Я уже хотел было ляпнуть: «Нет, не буду», но осёкся. Не признаю ли я тогда косвенно свою вину? Мол, я виновен, но признаваться в этом не буду? Подумав несколько секунд, я дал выверенный ответ:

— Мне не в чем признаваться. Я рассказал вам всю правду.

— Какую правду, Никаноров?! Что вы ходили за маслятами?

— За опятами. Я перепутал. Волнуюсь: первый раз в жизни на допросе.

Потапов нехорошо прищурился:

— А это пока не допрос. Мы с тобой просто беседуем, неформально.

— Значит, если это не допрос — то нет и никакого уголовного дела?

— Нет.

— И значит, я не арестован? И могу просто встать и уйти?

— Да щас! Уголовки пока нет, но это вопрос времени, — пояснил Потапов. — У нас на лицо тяжкие телесные. Так что ты задержан в рамках доследственной предварительной проверки.

На меня вдруг накатил приступ жесточайшей усталости. Я зевнул во весь рот, аж слёзы выступили на глазах.

— Может, тогда закончим с разговорами по душам и оформим всё по правилам? Под протокол?

Потапов, заразившись от меня, тоже зевнул и ответил:

— Ну давай под протокол. А потом мы тебя закроем. Посидишь в ивээсе, понюхаешь парашу, может, и сообразишь, что я тебе не враг. Тебе же, дураку, хочу помочь, чтобы не впаляли на полную катушку. Чтобы суд по минимуму дал! Ты же пойми: вилка от двух до пятнадцати. От двух, — он даже для убедительности показал пальцами «козу», — до пятнадцати, Кирюха!

«Кирюха! Хрен тебе в ухо!» — вспомнилась мне дебильная присказка уже покойного Серого, и я поморщился.

— Так мы будем оформлять? — спросил я с раздражением.

— Говно вопрос! — ответил Потапов, придвинул к себе ноут и принялся на удивление шустро набирать в нём текст протокола с моими краткими ответами на формальные вопросы. Фамилия-имя, дата и место рождения, адреса прописки и проживания... Я уже не стал ерепениться, а механически давал краткие ответы на его вопросы, словно играя в словесный пинг-понг. Когда следователь дошёл до вопросов о том, что случилось с Олесей, я стал отвечать предельно осторожно, взвешивая каждое слово. Потапов больше ничего не уточнял, нигде и никак не пытался подловить меня на противоречиях и нестыковках.

Заполнив свой опросник, он распечатал его на древнем принтере, издававшем звуки, больше подходящие для ржавой ножовки, забрал листы и положил их передо мной.

— Внизу каждой страницы напиши: «С моих слов записано верно. Дата. Подпись с полной расшифровкой: фамилия, имя, отчество». Только давай быстрее: я утра ещё не жрамши ни хрена. Подписывай и вали спокойно в ИВС. А я хавать пойду.

Моя рука уже потянулась накалякать подпись, но по привычке, выработанной за годы работы в офисе и общения с юристами, вроде Нюхтилина, я на автомате просматривал страницы. Не вчитываясь — просто сканируя по диагонали, и вдруг взгляд зацепился за словосочетание «тупым тяжёлым предметом». Я вернулся к началу предложения и с нарастающим удивлением прочитал: «И тогда я ударил её по голове тупым тяжёлым предметом».

— Да подписывай уже! — гаркнул Потапов. — Хули тут читать?!

Но я его проигнорировал. Кинувшись изучать протокол с самого начала, я обнаружил, что следователь напихал в него массу вещей, которых я не говорил. На бумаге я полностью признавал себя виновным в нападении на Олесю!

У меня не было больших иллюзий о методах работы ментов, но такой беспардонности я не ожидал. Я поднял выпученные от удивления глаза на Потапова:

— Это же подлог! — растерянно выговорил я.

Он сцапал со стола распечатанную фальшивку.

— Не подлог, а тест на внимательность. Но ты, конечно, молодец, тест прошёл успешно.

У меня просто не было сил, чтобы ругаться, орать, даже просто высказать следаку всё, что я о нём думаю.

— Это подлость, — единственное, что я смог выдавить. Слова глупые, наивные, но совершенно искренние.

— Не подлость, а оперативная хитрость!

Потапов совсем не выглядел смущённым. Он спокойно порвал распечатанный протокол и снова стал что-то записывать в ноутбук. Снова заскрежетал принтер.

— Ничего подписывать не буду! — предупредил я.

— Твоё право. Можешь в конце написать: с протоколом не согласен в части такой-то и такой-то. Хочешь вообще ничего не пиши: я просто сделаю заметку об отказе. Но протокол в любом случае пойдёт в дело.

Потапов, объясняя всё это, положил передо мной обновлённый вариант протокола. Первым порывом было просто гордо скрестить руки и даже не прикасаться к нему. Но рациональнее будет проверить, какие ещё подянки пытается завернуть следак. Поэтому я всё же взял протокол и мысленно сказал себе: «Представим, что я — Нюхтилин!» И с такой установкой я принялся скрупулёзно вчитываться в каждое предложение, обдумывать его, вертеть в голове так и эдак, прикидывая, может ли оно мне повредить в последующих разбирательствах. Новый текст оказался неожиданно близким к тому, что я говорил. Приходилось писать: «С моих слов записано верно» на одной странице, на другой, а вот на третьей...

— Мы ходили за опятами, а не маслятами, — сказал я. — В первый раз я ошибся, перепутал от волнения.

— Так и напиши, — подсказал Потапов, — внизу страницы: «Не согласен с протоколом в части...», на самом деле, я сказал то-то и то-то.

Я поколебался, но в конце концов последовал его совету. Других ловушек в протоколе обнаружить не удалось. Подписанные страницы я отдал Потапову, который их быстро проглядел и сказал:

— Вот теперь всё чики-пуки!

Потом встал, распахнул дверь и крикнул в коридор:

— Нечистенко!

На его зов явился пухлощёкий сержант в ментовской форме, которая была ему явно тесна. На ремне у него были закреплены наручники, дубинка и кобура. Серая форменная кепка держалась криво, потому что... ей мешали рога! Точнее рожки — небольшие, округлые, как у молодого телёнка. Сержант, несомненно, был из... Как их Конрад Иванович называл? Чёрт, вылетело слово из головы... Бесы? Балясы?

— Звали, товарищ майор?

— Забирай этого пассажира и закрывай в ИВС.

— Есть! — услужливо ответил сержант, а потом обратился ко мне уже совсем другим, командным голосом:

— Выходим в коридор, руки за спину!

Вельнясы!

Мы вышли, и я сложил руки так, как было приказано. На запястьях опять защёлкнулись «браслеты». Пока сержант вёл меня по коридорам, придерживая за предплечье, я думал: стоит ли сказать, что я знаю, кто он? В итоге, решил воздержаться. Если эти вельнясы трутся рядом с раганами, значит, такая же дрянь, как ведьмы. Лучше с ними общаться поменьше — целее буду.

Меня привели в какое-то крыло ОВД, где находились камеры. Сержант передал меня тамошнему дежурному вместе с бумагами. Дежурный снял наручники и заставил раздеться до трусов. Отработанными движениями он вывернул все карманы, прощупал швы. Забрал ремень из джинсов, шнурки из кроссовок. Опять пришлось подписывать какую-то макулатуру.

От усталости и переживаний у меня в голове всё словно туманом затянуло. Ни казённый бубнёж дежурного, объяснявшего правила внутреннего распорядка, ни содержание бумаг до меня не доходили. Я делал всё чисто механически. И испытал даже парадоксальное чувство освобождения, когда за спиной лязгнула железная дверь и я оказался в пустой камере. Наконец-то уединение и покой.

Глава 3. Специалист

*А на борту сидит пират,
Он курит крепкий самосад,
Он и начальник контрразведки,
И народный депутат.
Он может всё, чего не можем мы,
Пред ним трепещут все умы,
Он может росчерком пера
В шоле вызвать наступление зимы.
Спасёт он кума от кумы,
Отдаст бомжу свои штаны,
И невиновного отпустит,
Если надо, из тюрьмы!*
Александр Васильев

Жёсткие откидные нары безо всякого матраса и подушки показались мне удивительно комфортными. Лицом к стенке, локоть под голову, закрыть глаза — и мгновенно наступил крепкий, глубокий сон. Мне привиделось странное попури из недавних впечатлений. Дуб, похожий на сиамских близнецов. Пищащие светлячки, которые на самом деле — души безымянных мёртвых детей. Рагана, летящая по звёздному небу на байке, и волосы у неё развеваются на ветру, постепенно превращаясь в шевелящихся змей, словно у Медузы Горгоны. Ундины загорают на берегу в лунном свете, и на них надеты настолько дерзкие купальники, что выглядят русалки гораздо эротичнее, чем совсем без одежды. Последним привиделся мне Тетис Лонкин — Старик Троп, в серой куртке, в грязной вязаной шапочке. Он держал в руках ржаной каравай, отщипывал от него кусочки и отправлял в рот. Жуя, он восхищённо покачивал головой, довольно жмурился и время от времени приговаривал:

— Смотри, Кирилл Никаноров! Ты мне пообещал!

Но через все видения, как центральный стержень, проходило сквозное ощущение тревожной спешки, боязни опоздать, не успеть. Оно было связано с Олесей, которой во сне рядом со мной не было, но я постоянно о ней помнил.

Сон был грубо прерван металлическим лязгом. Это в двери откинулась металлическая заслонка, равнодушные руки со стуком поставили на откидную полку две алюминиевые миски — с гороховым супом и с макаронами. Рядом встала кружка с чаем, легла пластиковая ложка.

— Забирай жратву, Никаноров! — приказал равнодушный голос дежурного.

В этот момент я ощутил, насколько проголодался. И как сильно хочу пить! Меня не смутило то, что суп пересолен, а чай — сладкий до приторности. Переваренные макароны улетели за пять минут вместе с соево-хлебной котлетой, которая, возможно, некоторое время лежала рядом с настоящим мясом. Поев, я испытал острый приступ животного счастья: сытый, в тепле, никуда не надо идти, ни от кого не надо убегать. Но уже через пару минут включился мозг, и ощущение беззаботности растворилось без остатка, как конфета в желудочном соке.

На первый план вышла та самая разьедающая душу тревога за Олесю, которая не покидала меня даже во сне. Как она там? Жива ли? Пришла ли в сознание? Если пришла, то какие последствия будет иметь то, что натворил Серый? Сможет ли она полностью восстановиться? Мне очень хотелось помолиться тому самому прусскому аналогу Асклепия, бога врачей, которого упоминал Олесин папа. Но, к сожалению, я не знал никаких молитв и даже не мог вспомнить имя этого бога.

Потом мысли плавно перетекли к обдумыванию того, что теперь будет со мной. Посадят или не посадят? Я искал ответ на этот вопрос и не мог найти. По сути меня обвиняют в том, чего я не делал — в нападении на Олесю. И я имел бы полное право возмущаться и пылать праведным гневом, если бы не Серый. Конечно, я не хотел его убивать. Но он свалился в яму после моего толчка, а, значит, по закону это — непредумышленное убийство. Скорее всего... Или, может, законная самооборона? Это ведь Серый на нас напал. Он открыто угрожал убийством. Но, по-моему, если в результате самообороны нападавший погибает, то это всегда признают превышением допустимых пределов. Или не всегда? В общем, есть масса вопросов, на которые мне мог бы ответить только профессиональный юрист. Эх, адвоката бы хорошего нанять — матёрого, опытного, какого-нибудь нашего кёнигсбергского Сола Гудмана. Да только где ж его взять?

Я никогда не был наивным и вполне представлял, что такое правосудие в России. Поговорка «от сумы да от тюрьмы не зарекайся» не на пустом месте родилась. Был бы человек, статья всегда найдётся. Но, с другой стороны, даже если меня и посадят, жизнь ведь на этом не закончится. Люди выходили на свободу и потом жили, работали, создавали шедевры: Федор Михалыч, Александр Исаич — тому примеры. Так что, может, и не стоит бояться этой траектории судьбы? Эх, вот сейчас бы мой дар включить и посмотреть: сюда пойдёшь — условный дадут, туда свернёшь — пятнашку отмотаешь. Но дар молчал, как партизан на допросе.

Вместо предвидения у меня включилось моё хлёбаное живое воображение. Я вдруг представил, как через десять лет отсидки выхожу, и у ворот тюрьмы меня встречает незнакомый шестнадцатилетний подросток со смешным пухом над губой — Андрюха. А я всё пропустил: его выпускной в садике, первую линейку в школе, первую пятёрку и двойку, первый велосипед... И так мне от этой представленной картинки сделалось тошно, так душно! Накатил приступ настоящей клаустрофобии: показалось, что нештукатуренные кирпичные стены камеры надвигаются, чтобы расплющить меня. Нестерпимо захотелось вырваться отсюда, сбежать — куда угодно, хоть в мир Велей, лишь бы только самому решать, что мне делать, куда и когда идти...

Я еле удержался от того, чтобы не заколотить в дверь, не заорать: «Выпустите меня, суки!» Пришла в голову идея: не применить ли бург к дежурному по ИВС? Она показалась такой соблазнительной, особенно на фоне медленно остывающей клаустрофобной паники. Но и от этого я удержался: у меня не получилось загипнотизировать Потапова глаза в глаза, где уж тут пытаться — через толстую железную дверь.

В общем, в таких внутренних терзаниях и метаниях от одной безумной идеи к другой я провёл весь остаток дня. Ночь тоже не принесла облегчения. Лежать на нарах было жёстко и холодно: выданные тонкий матрас и ветхое одеяло не спасали. Свет в камере на ночь не выключался и мешал заснуть. Но главное — не желали выключаться мои тревожные мысли, страхи и сомнения, которые жрали меня заживо, как стая голодных пираний.

Только к утру я сумел забыться беспокойным неглубоким сном, который был грубо прерван очередным лязганьем «кормушки»: принесли завтрак. Я попробовал заговорить с дежурным по ИВС, но безуспешно. Почему-то такой игнор меня ужасно расстроил. Зато я невероятно обрадовался, когда, забрав тарелку из-под каши и кружку из-под чая, дежурный положил на их место полотенце, кусок самого дешёвого мыла, зубную щётку и пасту. Как же мне не хватало этого! Я не мылся, не чистил зубов уже больше суток, и поэтому чувствовал себя практически бомжом. В камере была раковина и кран с холодной водой, но мне этого хватило, чтобы вымыться хотя бы до пояса.

Умытый, освежённый, с почищенными зубами, я сел и стал ожидать вызова на допрос, бесконечно проигрывая в голове вчерашнюю беседу со следователем. Я перебирал вопросы, обдумывал, как было бы лучше и правильнее ответить на них. Прикидывал, о чём Потапов может спрашивать меня сегодня, готовил непробиваемые ответы на его коварные вопросы,

выстраивал в голове то, что называют «линия защиты». И очень опасался, как бы меня не вызвали раньше, чем я успею всё продумать.

Никто даже не подошёл к моей камере до самого обеда.

Когда «кормушка» открылась и на неё опять стали выставлять алюминиевые миски с едой, я буквально накинулся на дежурного, требуя сказать, когда меня вызовут на допрос.

— Когда следователь решит, тогда и вызовет.

Это всё, что мне удалось узнать. Поев, я стал уверять себя, что меня вызовут с минуты на минуту. Не могут же меня просто так продержать в камере целые сутки! Наверное, никогда в жизни время не тянулось так мучительно медленно, как в эти часы. И чем больше проходило времени, тем слабее становилась моя надежда.

К ужину она окончательно умерла.

Возвращая пустые миску и кружку, я спросил:

— Ну хотя бы завтра меня на допрос вызовут?

И сменившийся дежурный неожиданно оказался разговорчивей, чем его предшественник.

— На тебя дело уже завели?

— Нет, кажется, — неуверенно ответил я.

— Значит, у тебя просто задержание. Оно на сорок восемь часов максимум.

— А с какого момента отсчёт? Когда меня задержали фактически?

Сердце радостно подпрыгнуло: если так, то уже завтра утром меня или отпустят, или объявят об официальном аресте. Но охранник тут же опустил меня с небес на землю:

— Не, считают с момента, когда протокол составлен.

— Понятно, спасибо большое!

— Да не за что!

Он забрал посуду и поднял заслонку.

Протокол был вчера составлен где-то в середине дня. Значит, завтра не позже обеда — что-то произойдёт. Удивительное дело: пять минут назад я был уверен, что не смогу заснуть до утра от этой мучительной неизвестности. Но теперь, как только хоть что-то прояснилось, я моментально успокоился. Умылся, почистил зубы и прилёг, думая недолго подремать. Но провалился в крепкий сон без сновидений до самого утра.

Проснулся я, как ни странно, спокойным и умиротворённым. Во мне появилась готовность к любому повороту судьбы. Может, пока спал, я прошёл стадии отрицания, гнева, торга и прочего, перейдя сразу к принятию?

Позавтракав, я настроился ждать до обеда, будучи уверен, что Потапов будет мариновать меня в камере по максимуму. И просчитался.

Неожиданно рано дверь с гулким скрипом открылась, и за ней оказался тот самый рогатый вельняс с фамилией Нечистенко, которая ему идеально подходила.

— На выход! Руки за спину! — приказал сержант с рогами.

Опять защёлкнулись наручники, и он повёл меня по коридорам и лестницам. Как я и ожидал, мы пришли в тот самый кабинет, где я позавчера мы так душевно поболтали со следователем. Потапов за это время ничуть не изменился, кажется, даже рубашка и свитер на нём были те же самые. Но в кабинете появилось кое-что новое. Точнее — кое-кто.

У стены в обычном офисном кресле сидел человек в сером мятом костюме. На его плохо выбритом лице застыла страдальческая гримаса. Покрасневшие глаза слезились.

— Браслетыними, — тихо сказал Потапов, и сержант оперативно выполнил приказание. Следователь мотнул головой, и сержант, понимающе кивнув, вышел в коридор.

— Присаживайтесь, Никаноров, — сказал мне Потапов, и я сел на уже знакомую неудобную табуретку. — Знакомьтесь, ваш положняковый... э-э-э... в смысле — защитник по назначению, Лиходедов Андрей Степанович.

Он широким жестом указал на типа в мятом костюме. Тот подошёл, протянул мне руку, я её пожал. Рука была холодная и липкая.

— Рад знакомству, — проблеял Андрей Степанович, обдав меня сильным запахом перегара.

— Взаимно, — механически ответил я.

Стало понятно выражение лица моего адвоката по назначению: он мучился тяжёлым похмельем. Защитник плюхнулся обратно в кресло и громко икнул.

— Вам нужно время, чтобы пообщаться с адвокатом? — подчёркнуто вежливо поинтересовался Потапов. В его вопросе легко угадывалась скрытая издёвка.

— Нет, спасибо, — поспешил я ответить, и Андрей Степанович кивнул, бросив на меня благодарный взгляд.

— Хорошо, — кивнул Потапов. — Тогда перейдём к важному. Сообщаю вам, Кирилл Александрович, что сегодня в отношении вас возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью второй статьи сто одиннадцать Уголовного кодекса Российской Федерации. Это умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершённое с особой жестокостью и повлёкшее тяжкие последствия.

Эти длинные официальные формулировки выползали у него изо рта, как ядовитые сколопендры, и я слушал их, забывая дышать.

— Потерпевшая — Высокова Олеся Глебовна, возраст — семнадцать лет, несовершеннолетняя, что являетсяотягчающим...

— Что с ней сейчас? — перебил я следователя. — В каком она состоянии? Я имею право знать!

Я обернулся, ища поддержки у адвоката, но тот сидел, молча уставившись в пол. Казалось, он вот-вот блеванёт на казённый линолеум. Тогда я повернулся к Потапову и уже собиравшись накинуться на него, схватить за грудки и трясти, пока не узнаю, что с Олесей! Видимо, он почувствовал мой настрой и примирительно сказал:

— На данный момент она находится в реанимации. Состояние стабильно тяжёлое. Если потерпевшая умрёт — а врачи оценивают вероятность летального исхода как высокую — дело будет переквалифицировано по статье сто пятой.

Потапов сделал зловещую паузу, но на меня она не подействовала: я не знал, что это за статья, и вопросительно посмотрел на адвоката. Тот нахмурился и пояснил:

— Умышленное убийство.

И громко икнул.

— Следствие располагает достаточными доказательствами вашей причастности, — продолжил Потапов. — Биологические следы на одежде, смывы с рук, следы крови на трассе, ведущие из леса. Свидетельские показания. В связи со всем вышесказанным...

Даже не знаю, какой Потапов пугал меня больше: позавчерашний, пытавший подло подловить меня грязными приёмчиками, или сегодняшней — холодный, официальный, живое воплощение бездушной юридической машины, медленно прокручивающей людей на фарш.

— ... я официально уведомляю вас о возбуждении уголовного дела и вашем статусе подозреваемого. Вам всё понятно?

— Более чем, — ответил я с напускной бодростью, хотя на душе у меня было кисло. Нет, я ожидал всего этого, но до последней минуты во мне жила парадоксальная надежда на чудо, на то, что всё как-то само собой разрешится, утрясётся...

Когда я поставил свою подпись на бумаге, подтверждая, что уведомлен, я окончательно осознал: капкан захлопнулся, и я из него самостоятельно не вырвусь. И уж тем более меня не вытащит этот адвокат-алконавт. Следователь пробубнил мне мини-лекцию о правах, которыми я якобы располагаю. Но истинную цену этих «прав» я хорошо понимал: достаточно было

взглянуть на моё воплощённое «право на государственного защитника». Оно тихо сидело у стенок и икало.

— Теперь, Кирилл Александрович, я должен получить ваши показания по существу дела, — заявил Потапов, и начался нудный и дотошный допрос, где мне пришлось опять рассказать придуманную мною версию про несчастный случай. Следователь просто засыпал меня массой мелких малозначимых вопросов. Они периодически повторялись, иногда в другой формулировке, и приходилось тщательно следить, чтобы все ответы совпадали. Я понимал, что меня хотят взять измором.

Не знаю, сколько времени крутилась эта словесная карусель. После суток в одиночной камере у меня сбилось чувство времени. Но думаю, что не меньше двух часов. Неожиданно мне на помощь пришёл адвокат, который внезапно сорвался со своего места, пробормотал:

— Давайте сделаем перерыв!

И выскочил из кабинета. Видно, совсем ему поплохело, бедолаге.

Когда мы остались с глазу на глаз, Потапов опять сменил тон с официального на фальшиво-задушевный:

— Никаноров, лучше бы тебе сознаться. По-хорошему. Я ведь сейчас обращусь в суд об избрании меры пресечения, и дальше ты небо будешь видеть только в клеточку. А так — до суда сбачаем подписку о невыезде, и сможешь погулять несколько недель, а то и месяцев. Поверь, в твоей ситуации — это очень щедрое предложение с моей стороны. На зоне будешь волосы на жопе рвать, что не согласился!

— Мне не в чем сознаваться, — уже не в первый раз повторил я.

— А ещё я ведь могу в дело и сто тридцать первую пристегнуть. Это изнасилование. К моменту передачи в суд, мы её снимем, если не сможем доказать. Но пока ты в СИЗО будешь сидеть, сокамерники твои про неё узнают. И знаешь, что делают с теми, у кого по сто тридцать первая? А?

Он похабно подмигнул, и мне очень захотелось сказать ему что-то оскорбительное, как-то словесно плюнуть в рожу. Но, как назло, ничего не приходило в голову. Все блатные понятия и законы никогда не были мне близки, но даже я знаю, что делают на зоне с насильниками.

— Так что если не хочешь кукарекать, Никаноров, лучше...

Дверь в кабинет открылась. Я был уверен, что это вернулся мой «защитник». Но увидев, как изменилось выражение лица Потапова, я поспешно повернулся к двери.

В кабинет вошли двое. Первым шёл седой представительный дядька в полицейской форме, на кителе — погоны с тремя звёздами. За ним следовал мужчина в штатском, лет сорока, невысокий, худой. Прилизанные короткие волосы, мелкие черты лица, тёмные острые глазки делали его похожим на хорька.

Потапов поднялся из-за стола и произнёс:

— Товарищ полковник.

Эти два слова прозвучали с неожиданно богатой интонацией, полной разных смыслов. Тут было и стандартное приветствие человека из системы, и почтение к старшему по званию, и лёгкое удивление. Но главное — скрытый вопрос: «Зачем пожаловали, и что это за хмырь у вас за спиной?»

Полковник в ответ лишь молча пожал Потапову руку, а потом кивнул в мою сторону и спросил:

— Это тот, который по сто одиннадцатой? Никаноров?

— Так точно, — отрапортовал Потапов, опять одной лишь интонацией спрашивая: «А в чём дело?»

— В общем, это... — полковник на пару секунд замялся. — У нас тут изменение подследственности.

Потапов перевёл недоумевающий взгляд с полковника на мужчину в штатском и спросил:

— В каком смысле?

Штатский сделал шаг вперёд и спокойным чуть ироничным тоном произнёс:

— Майор ФСБ Куницкий. Дело гражданина Никанорова передаётся нам.

С этими словами он протянул следователю бумагу с коротким текстом и несколькими синяками печатей. Потапов машинально взял её, пробежал глазами. Лицо его всё больше вытягивалось от удивления.

— Товарищ полковник, — обратился он к своему начальнику, — как же так? У меня уже материалы собраны, экспертизы назначены, всё на мази. Почему вдруг... ?

— Приказано передать, — веско сказал полковник. — Вот прибыл специалист, передавайте ему подследственного, дело и все материалы.

— Специалист — в чём? — раздражённо спросил Потапов и с явной неприязнью посмотрел на безопасника.

— Без обсуждения, товарищ майор, — приструнил его начальник. — Приказано передать — значит передавайте.

Полковник развернулся и поспешно вышел, словно ему самому было неприятно отдавать такое распоряжение. Лицо Потапова стало ещё раздражённое.

— Чем это вдруг ФСБ заинтересовала обычная бытовуха? — спросил он с нескрываемой неприязнью.

— Вопрос национальной безопасности, — скучным казённым тоном ответил фээсбэшник, но при этом он смотрел не на следователя, а на меня. И его взгляд мне категорически не нравился. Таким взглядом гурман смотрит на сочный стейк, который ему только что подали, и выбирает, с какого края отрезать первый кусочек.

— Да какой нахрен безопасности?! — взорвался наконец Потапов. — Где этот лошара — и где безопасность?

Потом вдруг его словно что-то осенило, и он заговорил спокойнее, но зло и решительно:

— Учти, майор, если ты сделаешь из него своего барабана и отпустишь, а мы потом по лесам начнём находить девчонок с проломленной головой... я тогда...

— Что ты тогда? — со спокойным любопытством поинтересовался фээсбэшник.

— Я буду знать, что делать, — мрачно ответил Потапов.

И тут вдруг майор ФСБ достал из кармана пиджака игрушку йо-йо — разноцветную катушку на толстой нитке — катнул её пару раз и приказал тем самым «хихакающим» тоном:

— Зажми двумя пальцами нос и скажи: «Грёбанные федералы!»

Потапов послушно зажал нос и повторил эту дурацкую фразу голосом пиратского переводчика в фильмах девяностых годов. Фээсбэшник подмигнул мне, кивнул в сторону следователя и сказал:

— Прикольно, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.